

ПРОЛОГ

Тусклые потолочные лампы давали достаточно света, чтобы арестованные могли смотреть себе под ноги, а полицейские - за своими подопечными.

У катакомб была сложная планировка: и самые опасные преступники находились на самом низу. Никто никогда не говорил, но все знали - выхода оттуда нет.

Арестованный шёл медленно, и причиной были вовсе не кандалы, хотя эти цепи, в отличие от любых других, не позволяли ему пользоваться всеми своими способностями, а тех было хоть отбавляй...

Худые ноги в синих больничных штанах выразительно шаркали по полу: будто бы он устал и был неспособен даже на нормальный шаг.

Но надзиратели не подгоняли пленника: он уже никуда не денется, навсегда останется в холодных подвалах, где сами стены источали сонный газ, и из этой липкой полудрёмы уже не выбраться... Только сначала нужно дойти туда.

Человек в цепях резко остановился, и даже наименьшая возможная скорость передвижения не избавила его от неприятной тяги цепи в руках задумавшегося полицейского... Но это было ничего, не страшно, его главной целью была слезка за светом.

Сухое худощавое тело заметно покачнулось, не упал пленник только благодаря крепкой силе воли. Когда он получил это тело? Давно, очень давно по меркам его рода. Род пленника, род Ворвудов менял тела так часто, как врачи у людей меняют перчатки, и это никогда не было проблемой. До некоторого времени...

-Эй, шевелись, - не грубо, даже мягко произнёс надсмотрщик, но непрекаемость присутствовала в каждом слого.

Арестованный будто не слышал, он заворажённо смотрел вверх, на светильник.

И вот оно, наконец-то! Свет слегка моргнул два раза, едва заметно, но для Ворвуда это было яснее любых лучей солнца, а полицейские, кажется, и вовсе ничего не заметили...

-Пошли, - повысил голос полицейский и нервно дёрнул цепь.

Ворвуд устойчиво развёл ноги и закрыл глаза, втянул воздух полной грудью, будто что-то впитывая из него.

Надсмотрщики засуетились, хотя у пленника не было шанса на спасение. Просто блюстители Вселенского порядка ещё помнили изнуряющую "войну" с расплодившимися Ворвудами, и испытывать их силу на себе никто не хотел. Сама

мысль об этом вызывала такие мерзкие чувства, что голова вжималась в плечи даже у самого матёрого и повидавшего кошмаров путешественника.

Пленённый Ворвуд оставался в последнем теле, которое успел захватить, и это тело некогда принадлежало успешному врачу из хирургии, но судьба этого человека была перечёркнута раз и навсегда... Нет, он не умер, но его жизнь навсегда была сломана, и это исправить уже никто не смог бы.

Ворвуды никогда не давали своим телам обычных благ и возможности обмена веществ, поэтому они и угасали так быстро,...и требовалось новое.

Арестованный чувствовал что умирает, но он ждал подходящие тело и разум, он хотел не просто выжить, он жаждал отомстить. А значит, мог ждать сколько угодно, достойная жертва и так появится в скором времени.

Вспотевшие от страха полицейские начали доставать парализующие дубинки из пристёгнутых к поясам чехлов, им до жути не нравилось поведение их пленника, они были готовы начать заикаться от ужаса.

Ворвуд шархнул в сторону: нельзя позволить им обездвигить себя, иначе всё пропало!

Насколько всё-таки серьёзно влияет сила воли на физические возможности, особенно когда живое существо совершенно не знает на что оно ДОЛЖНО быть способно. А Ворвуд знал, но в данный момент заставил себя не знать. Он двинулся в сторону настолько мощно, что полицейский с цепью в руках ошалело полетел под ноги Ворвуду, совершенно не догадываясь, что цепь можно было отпустить, но точно зная, что уже не жилец...

Четверо других боролись с желанием сбежать от страшного монстра, но их крепко держал на местах их совместный долг. Один из них громко выдохнул, и это, как ни странно, дало всем им сил перейти в наступление. Они думали, что обречены, они совсем не догадывались, что такой непобедимый и жестокий противник как Ворвуд сейчас совсем бессилен...

Ворвуд знал, что способен только на ответное подмигивание светом, и сил зря не тратил. После первого упавшего надсмотрщика он тут же буквально выдавил из себя возможность воздействовать на светильник, и после того, как свет снова еле заметно мигнул, он начал падать...

Полицейские сцепили зубы и мёртвой хваткой вцепились в своё единственное оружие - парализующие дубинки. И тут Ворвуда будто отвело в сторону, люди в спешке дали пленнику облакотиться о стену, а в следующий миг начал мигать свет. Это было заметно уже всем, и людям и Ворвуду. И периоды темноты с каждым разом становились всё дольше...

Ворвуд растянул свой рот в жуткий оскал, улыбаться в человеческом теле ему не приходилось. Получилось! Остатки рода Ворвудов будут спасены, и Вселенная поплатится за попытку их уничтожения, теперь это было совершенно точно, без каких-либо сомнений. Пленник закрыл глаза и сосредоточенно нащупывал в себе последние силы, тех оставалось совсем немного, но вполне хватит на спасение... Спасение Ворвудов, заточённых в самом низу всей пещеры. О себе же пленник уже не думал, его жизнь больше ничего не значила...

-Это он делает, - севшим голосом взвизгнул один из полицейских. - Смотрите!

Пот с людей катился уже как с водопадов, если, конечно, существуют солёные водопады...

Один из надсмотрщиков вдохнул полную грудь воздуха, ожидая, что это последний вдох, и с рыком направил свою дубинку Ворвуду в бок...

О нет! Ворвуд оскалил зубы, но больше ничего сделать не смог, так как парализующее вещество подействовало мгновенно. Он не успел, а это значило, что почти все, кого он хотел спасти погибли. Выжило две-три особи, но это было не важно, потому что эти люди истребят их, сотрут с лица Вселенной...

Ему внезапно стало больно, настолько больно, что он даже не умер. От удара парализующей дубинки он должен был погрузиться во тьму, но он ощущал чужеродную боль, а значит - жил.

Ворвуда разрывали совершенно незнакомые ему доселе чувства. Его братья...его дети... Всё умерло! Как они могли! Люди! Совершенно не достойные существовать! Убийцы! Монстры!

Но такие не все. Внезапная мысль резануло разум холодом и чем-то ещё...надеждой. А что, если этот необычный человек, что дал шанс на спасение рода Ворвудов ещё и сильный, в отличии от своих сородичей?..

Да. Если удастся снова его нащупать в подсознании, то связь наладится, и он поможет снова, Ворвуд не сомневался в этом. А потом он уничтожит всех людишек, всех отравителей Вселенной, кроме того ребёнка.

Малочисленные Ворвуды лишатся своей основной пищи, но это не страшно, главное, что они отомстят...

Найти бы того ребёнка...

Ворвуд вынырнул из тьмы. Некоторое время его сознание не могло сосредоточиться на чём-либо, всю его сущность трясло от липкого ощущения

пережитого. Наконец он осмотрелся. Мир был серым, это значило только одно: с телом было кончено раз и навсегда. Снова он бессильная тень, поджидающая первую попавшуюся подходящую жертву.

Вокруг был переполох. Полицейские возбуждённо переговаривались, но всё было уже стабилизировано.

Ворвуд ждал. Любое воспоминание о роде отдавалось тупыми ударами где-то там, где у людей была грудная клетка, и он всеми силами держался за неё. Этим он жил.

Люди думали, что он погиб. Он тоже так думал, но не вышло. И он ждал. Долго ждал, годами. И он их уничтожил. Людей. Всех людей. Отдел Космической Полиции опустел. Теперь ждать было не долго...

ВОДОВОРОТ СОБЫТИЙ.

Пашка сидел в полумраке и откровенно портил этим себе зрение, ибо занимался мелкой и кропотливой работой. Он захлопнул наконец миниатюрный шестигранный ящичек и бросил отвёртку на пол. Он закончил свою работу, теперь можно было и поразмышлять.

Мрак заполнял гараж очень нечасто, но сейчас был довольно веский повод: Павел решал очень сложную для себя задачу. Юноша глянул на свои драгоценные часы, сделанные его отцом для него, Пашки; на часах было без пяти три, это означало, что его друг Вадим сладко спит в квартире и в ближайшее время наведаться к Паше не собирается. Пашка зажал свою голову руками, пытаясь уже определиться со своими желаниями, но задача казалась непосильной.

Парень обернулся и начал смотреть на своё изобретение - оранжево-белый автобус четырнадцатого маршрута. Нет, Павел не изобрёл автобус, он преобразовал его, создав Машину Времени. Только это изобретение было явно не для научных исследований, Пашка сделал его для чего-то своего.

Павел горько хмыкнул, и пошёл дозором вокруг Машины Времени, распиная многочисленные запчасти и мусор. Он не мог поверить в то, что у него наконец появился шанс... А ведь появился, и Пашка сам не понимал как. Как семнадцатилетний прогульщик школьных занятий, прямой представитель потерянного поколения, мог сделать то, к чему до сих пор не пришли учёные всех времён? Хотя, может и пришли, только воспользовались неправильно и погубили и себя и свои бесценные труды.

Пашка судорожно подхватил шестигранную коробку со стола и усиленно сфокусировал всё своё внимание на правильной установке запчасти, пытаясь игнорировать мучавшие его мысли. Для пущего успеха он решил пересмотреть все контакты деталей.

Через десять минут парень обнаружил, что долгое время стоит ссутулившись над прекрасно установленными запчастями. Он хмыкнул и выпрямился, провёл рукой по довольно длинным волосам. Пашка прошёл за стол и сел на табурет лицом к автобусу.

- Не буду ли я жалеть о том, что бездействовал? - задал он вопрос пустоте таким тоном, как читают Шекспира в театральных постановках. - Или о том, что натворил?..

"Могу натворить, - сказал сам себе Павел. - А могу и ничего не сделать..."

- Чёрт.

Мысль о Машине Времени пришла Паше в голову во время величайшей грусти, и, скорее всего, депрессии. Тогда на парня столько всего навалилось... Любимый дедушка попал в клинику с болезнью Альцгеймера, и мать категорично запретила Пашке приближаться к нему, подкрепляя своё решение тем, что "всегда замечала странности" за отцом своего бывшего мужа. А своего отца Пашка никогда не видел, тот пропал без вести прямо перед самым его рождением, оставив сыну в память о себе только наручные часы. Вот Павел и хотел выяснить, что же тогда произошло, и куда девался его отец; Пашка искренне верил, что тот жив.

Наконец решившись, Павел неуверенно шагнул к автобусу. Он смутно представлял себе, что должно произойти, поэтому не особо задумывался о самом важном: Машине требовался разгон, чего Паша ему не предоставил.

Но автобус от прикосновения к главной консоли сам затрясся, Пашка даже не заметил, как в окне всё поплыло, к тому же отовсюду вокруг посыпались искры, в конечном итоге внутренности автобуса погрузились во тьму.

"И как это понять? - подумал Пашка, пытаясь увидеть свои пальцы в темноте. - По идее, даже с места ещё не сдвинулись. Может, перепады напряжения? Или что-то сгорело?"

Автобус тряхнуло так, что Павел вверх тормашками полетел покорять ограниченные просторы своего творения.

"Сгореть при данном раскладе должно было всё, - мысленно хмыкнул парень. - Что-то явно не так."

Пашка буквально весь расшибся, пока барахтался в непонятном водовороте автобусных конвульсий, но всё стихло так внезапно, что Паша даже не заметил,

как автобус бухнулся на какую-то поверхность. Павел лежал на полу не шевелясь и почти не дыша. Спустя пару минут он полностью осознал, что ещё жив, и провёл рукой по лицу и волосам. Некоторые поверхности тела тут же заявили о повреждениях, но Пашка встал и с любопытством похромал к двери из автобуса: долго рассуждать о своих действиях он не любил и делал это в крайних случаях, раза два-три за всю жизнь, может больше, но количество не превышало двух десятков.

В нос ударил мерзкий запах железа, пластмассы и плесени, Пашка невольно поморщился, к такому он был не готов. Он вообще ни к чему не был готов - понятия не имел о том что творит. Странный запах тут же въелся в глаза и осел в горле, Пашка зажмурился и начал кашлять. Парень решил ретироваться назад в автобус, но уткнулся в заблокированную дверь.

-Что за...

Вот теперь Пашка почти испугался, почти начал паниковать. Почти только потому, что парень изумился до потери сознания и начал быстро ощупывать периметр своего драгоценного автобуса, будто он мог внезапно исчезнуть.

Что тот непременно и сделал. В одну секунду, в один миг просто исчез. Пашка нервно сглотнул и для верности потрогал воздух на месте, где только что стояла Машина Времени. Даже на вкус попробовал это место, и решил обернуться.

Как только он обратил внимание на окружающий его ландшафт, сразу понял, что стоит в полной темноте.

"Самое лучшее, что может произойти, так это то, что сейчас я нащупаю выключатель и окажусь у себя в гараже."

Но выключателя Павел не нащупал, зато обнаружил дверную ручку. Мысленно, конечно, он уже понимал, что находится не в своём гараже, но не сидеть же без дела.

В глаза ударил яркий свет, который на самом деле не был ярким, просто Паша вышел из кромешной темноты. Парень поморщился: во-первых, он не любил такого искусственного, больничного света, а во-вторых, остаточные явления едкого запаха всё ещё бередили рецепторы.

И всё же Пашка был удивлён от увиденного. Коридоры со светлыми, будто стерильными, стенами и запах хлорки. Паша оглядел дверь, откуда вышел, и пошёл вдоль стены.

-Н-да, - задумчиво протянул Павел, потирая подбородок и разглядывая вид из окна.

На улице стояла глубокая ночь, и парень искренне верил в то, что это та самая ночь, в которую он решил испытать своё изобретение. Но под ложечкой засосало, когда парень заметил снег, аккуратно убраный по газонам, и, к тому же, шедший плотной стеной с неба. Пашка обернулся, и на глаза попались новогодние украшения, редко развешанные по потолку. Такие яркие огромные шары всегда пугали Пашку, но он умел себя контролировать и просто пошёл дальше.

На встречу вышел мужчина средних лет в белом халате, и что самое главное, он улыбался. Пашка тоже идиотски растянул рот и произнёс:

-Если я в психушке, то это многое объяснит.

-О, я смотрю папашка до ручки допился, - добродушно отозвался врач. - Новый год не успел наступить, а он уже "под шофэ".

-Что, простите? - Пашка скорчил такую гримасу, будто вместо яблока укусил неспелый лимон. - Я вообще где?

-Ооо, - засмеялся незнакомец. - В роддоме ты, милый.

-А город?

-Хабаровск.

Врачу было уже не смешно, он явно обеспокоился за здоровье подростка, клятва Гипократу дело такое.

-Оу, - Пашка уставился на какую-то белую дверь с новогодней вывеской "2000".

-У тебя всё хорошо?

-А? Да, всё в порядке, - Павел растерялся. - Не подскажете сколько времени?

-Почти полночь, - деловито сообщил мужчина. - У тебя тут мама лежит чтоли?

-Ага, - Паша выпучил глаза, понимая, что это самая настоящая правда. - Рожать скоро будет. В полночь.

-Шутник, - снова засмеялся мужчина. - Ладно, мне пора. И тебе, кстати, тоже. Или домой, или к маме, сам решай. Сегодня посещение свободное, в честь праздника.

"Итак, новогодняя ночь, - размышлял в одиночестве Павел. - Наступает 2000. Мой год и день рождения, я уверен, - такие совпадения всегда полные, - что роддом тоже тот. Но зачем? А ещё мой автобус тут не при чём, к тому же он пропал. Зашибись, я попал в прошлое невесть как, и именно на своё же рождение."

-Это как-то связано, - пробормотал Павел, снова уставившись в окно. - Событие и человек.

Парень хмыкнул, наблюдая за сильнейшим снегопадом за окном.

-А я такого ещё не видел, - отвлёкся на погоду Павел. - Мама не говорила, что я родился в метель. Хотя откуда ей было знать, лёжа в палате.

Пашка вспомнил, как сам лежал в больнице, именно он только по окнам и пялился всё время. Но люди ведь разные бывают, тем более мамы. Им обычно не до этого.

-Надо проверить, - решительно выдохнул Павел и пошёл по коридору в поисках медсестры или какого-нибудь поста.

Пост нашёлся довольно быстро, но на нём никого не оказалось, поэтому парень решил подождать. Хотя чего ждать? Что кто-нибудь соблаговолит покинуть новогоднее пиршество? Вряд ли. Именно из-за этого Павел и начал рыться в тумбочке, намереваясь найти журнал учёта или что-нибудь в этом роде. И нашёл, даже больше нашёл, нашёл имя своей мамы в довольно длинном списке.

Всё подтвердилось, он был в роддоме на своё рождение. Спутать сложно, ведь родился-то он прямо под бой курантов, и его мама долго не могла решить на какой год записать сына: на 1999 или всё же 2000. Решили хором с врачами, что Павел Зимин будет самым первым человеком в новом столетии, но сути дела это не меняет, записали всё равно на 20 век.

"Ну и где тут родильный зал? Так, чисто по приколу."

Павел, поддавшись дурацкому влечению, помчался на поиски своей мамы, ну и себя малого. Скоро должен родиться. Не каждому удаётся посмотреть на себя младенца вживую, знаете ли.

Пашка нёсся по коридорам, уже почти заблудившись, но его внезапно сбили.

-Эй, - возмутился парень.

В любой другой подобной ситуации он, конечно, не стал бы качать свои права, но он упал, и по нему, к тому же, прошлись.

Пашка сел на полу, оперевшись спиной о стену и потирая запястье, по которому в буквальном смысле, потоптался незнакомый человек. Только сейчас Паша поднял глаза на того, с кем столкнулся и впал в ступор. Перед ним стоял рослый мужчина в явно военной форме нейтрального цвета.

-Убей его, - коротко бросил незнакомец.

Только тут Пашка заметил, что рядом стоял ещё один солдат, и в руках у него были свёрток и пистолет.

-Вы что, украли ребёнка?

Брови парня поползли вверх, он даже забыл о последних словах одного из встреченных людей. Солдат с младенцем поднял пистолет, раздался щелчок.

-Осечка, - оправдываясь, буркнул солдат, начиная дёргать все затворы пистолета подряд.

Пашка подскочил на ноги, на лбу проступил пот. Ещё бы, только что его чуть не убили, и то, что он выжил, было крупным везением. Павел не растерялся и воспользовался минутным замешательством обоих солдат: вывернул младенца из рук одного из них и понёсся по коридору прочь.

Конечно, он знал, что далеко не убежит, но его целью было выиграть хоть немного времени, которое можно будет потратить на составление плана.

-А ну стоять, - рывкнул кто-то спереди, тоже с пистолетом в руках.

Пашка подавился воздухом и закашлялся, остановиться всё-таки пришлось. Впереди него стоял довольно худой мужчина лет тридцати, и что Пашке в нём понравилось, так это то, что он совсем не угрожал своим оружием, просто как бы между прочим держал его в руках.

За Павлом остановились двое солдат, и вот они как раз держались за пистолеты так, будто с этими холодными железками они всеильны. Пашка не успел сформировать мысль о том, как разные люди относятся к оружию, ему пришлось вжаться в стену, чтобы трое преследователей встретились взглядами. Это был своеобразный план, в котором эти трое должны были начать делить добычу, а Пашка под шумок унёс бы ноги.

-Ты ещё кто? - возмущённо задал вопрос человек, который попался Павлу навстречу.

-Павел Зимин, - буркнул парень, и чуть не добавил "10а", меняя руки под свёртком.

-Не может быть, - тихо промолвил человек и выставил вперёд пистолет, но не на Пашку, а на двух солдат. Да и то он как-то несмело угрожал, будто не умел. - Беги за меня, быстрее.

Пашка удивился, даже рот открыл. Но через секунду поспешил подчиниться.

-И малыша голыми руками не трогай, - напутствовал незнакомец.

Паша рванул по коридору, но вскоре услышал быстрые глухие звуки. Он встал как вкопанный в землю, осознавая, что это были выстрелы. И Павла так обдало холодом, что он даже встрепенулся всем телом от ужаса. Пашка воспринял пистолет всерьёз только когда его чуть не пристрелили, а потом снова не обращал

должного внимания. Как глупо! Нужно же учиться на своих ошибках, чтоб в будущем больше подобного не было.

Парень ударил себя ладошкой по лбу, и эхо от этого шлепка разнеслось по всему коридору, натолкнув Пашу на какую-то мысль. И скорее всего идиотскую, других у Павла обычно не появлялось. Но в этом была своя прелесть, какая-никакая, а индивидуальность, хоть и не в этом было дело. Просто Паша не мог иначе. Он отправился назад, "на выручку" человеку, который помог ему.

-Вы не ранены? - взволновано спросил Павел.

Мужчина нажал на свои надутые щёки пальцами, чем сильно смутил парня.

-Нет, - сказал он наконец. - Уходим.

Он молча взял младенца из рук Паши, и они пошли быстрыми шагами.

-А Вы кто?

-Я? - человек будто бы отвлекся от своих мыслей. - Я Аникей.

Снова молчание.

Как-то не по себе было Пашке, и он решил спросить.

-А почему за нами нет погони?

-Скоро будет, ты помнишь где выход?

-Там метель.

-Там машина.

-Вы хотите украсть ребёнка? Вы все сговорились чтоли?

-Ммм, - задумался Аникей. - Давай тебе Вячеслав Викторович всё объяснит, ладно?

-А это кто? - нагло осведомился Павел.

Аникей остановился и пристально посмотрел на подростка. Впрочем, он и сам не до конца всё понимал.

-Я думал ты Зимин...

-Я Зимин, - кивнул Пашка. - Но воровать детей, мягко скажем, нехорошо.

Аникей аккуратно начал разворачивать пелёнки малыша, он довольно долго что-то там делал, и вскоре достал небольшую бумажку и протянул её Пашке.

-Читай.